

Сун Сицяо был человеком крайне чувствительным. Пережитое в детстве научило его видеть изнанку человеческой натуры. В его глазах люди были существами порочными, эгоистичными и готовыми на всё ради достижения своих целей. Небесный Путь безжалостен, и закон джунглей, где сильный пожирает слабого, — вот единственная истина. Став внутренним учеником пика Лянъи, он поначалу надеялся, что Небеса проявят к нему благосклонность, но почти десять лет, проведенные в тени, превратили его в невидимку. По правде говоря, даже его стремление к Дао начало угасать. Он не видел смысла в борьбе: в этом огромном мире он был совсем один, так какая разница, жить или умереть?

Однако Линь Юйшэн поверил в него, когда на него ополчились все. Это доверие стало для Сун Сицяо полной неожиданностью. Хотя формально Линь Юйшэн был его наставником, они почти не общались, а Нань Чжу постоянно чинил препятствия, на которые учитель предпочитал закрывать глаза. Сун Сицяо даже начал иронизировать над собой, считая, что он просто из тех людей, что рождены нелюбимыми. Но в прошлый раз, несмотря на неопровержимые улики, Линь Юйшэн предпочел поверить именно ему и начал обучать его мастерству. Сейчас, находясь в пути, он словно увидел другую сторону наставника. Тот перестал казаться лишь могущественным мастером стадии Зарождающейся Души, и в сердце Сун Сицяо поселилось странное чувство, которому он не мог подобрать названия.

Линь Юйшэн не ведал о сумбуре в мыслях своего ученика. Он просто двигался на север, пока они благополучно не добрались до Города Черного Ветра. В мире совершенствующихся этот город был зеркальным отражением своего земного аналога. Там, где сходятся все злые энергии, фэншуй неизбежно оказывается губительным. В мире смертных Город Черного Ветра — это гиблый край, и в мире практиков это место стало пристанищем для всякого рода нечисти и отступников. Обычно совершенствующиеся обходили его стороной: здесь царила лишь губительная энергия, начисто лишенная духовной энергии, что было крайне вредно для практиков. К тому же место это было опасным — здесь скрывались изгнанники и те, кто искал убежища от кровной мести, а также последователи темных искусств, питавшиеся энергией призраков. Линь Юйшэн и Сун Сицяо были выходцами из секты Тайюэ, оплота ортодоксального Дао, и Линь Юйшэн, чей уровень мастерства внушал трепет, конечно же, ничего не боялся.

И все же, прибыв в Город Черного Ветра, оба были поражены. Небо и земля здесь тонули в чернильном мареве, окутанные миазмами так, что видимость не превышала и пары шагов.

— Учитель, — промолвил Сун Сицяо, — кажется, в Городе Черного Ветра что-то изменилось.

— Ты можешь сказать, что именно?

— Учитель, есть кое-что, о чем я не докладывал. Вы знаете, что я родом из мира смертных, поэтому мой нюх на запахи обычных людей острее, чем у тех, кто вырос в семьях совершенствующихся. Мир практиков подобен огромному барьеру, отделяющему нас от обычных людей, но в прошлый раз, придя сюда, я словно уловил едва уловимый дух мира смертных.

— Ты хочешь сказать, что между миром совершенствующихся и миром смертных есть разлом?

— Боюсь, что нет. Если бы он был, секты давно бы его обнаружили. Старшие братья и сестры, с которыми мы были на задании, ничего не заметили. Я боялся, что ошибся, поэтому промолчал.

— Тогда что это, по-твоему?

— Боюсь, это проникновение.

— Что значит проникновение? — Линь Юйшэн не заметил, как начал всерьез прислушиваться к мнению Сун Сицяо. Тот же теперь излагал свои мысли свободно, не опасаясь, что наставник сочтет его слова бредом.

— Это лишь догадки ученика. Словно кто-то вытягивает дыхание мира смертных сквозь барьер, не разрывая его и не проникая внутрь.

— Как это возможно? Барьер был воздвигнут древними бессмертными, чтобы отделить мир смертных и не позволить совершенствующимся вмешиваться в его законы. Попытка прорваться через него карается обратным ударом. К тому же в мире смертных нет духовной энергии, ни один практик не станет заниматься столь неблагодарным делом.

— Учитель прав. Хотя в мире смертных нет духовной энергии, там в избытке злобы, обид, губительных энергий и крови. До того как я попал в секту Тайюэ, я скитался по миру и слышал, что некоторые совершенствуются, поглощая именно такие эманации.

— В мире практиков тоже хватает злобы и губительной энергии, зачем рисковать, впитывая их из мира смертных?

Сун Сицяо сложил руки в приветствии и улыбнулся:

— Не каждый обладает вашими способностями, учитель. Практики на стадии Закладки Основания или Золотого Ядра просто не способны обуздать чужую злобу — их поглотит она сама, прежде чем они успеют её использовать.

Этот мальчишка научился незаметно льстить. Линь Юйшэну это было приятно: он слегка опустил голову, уголки его губ дрогнули в улыбке, а глаза потеплели.

Вид улыбающегося наставника был ослепительно хорош. Сун Сицяо почувствовал, как в груди распускается лотос, и стал смелее:

— Простите за дерзость, но мне порой кажется, что вы, учитель, родились сразу на стадии Зарождающейся Души и никогда не ведали тягот совершенствования.

Улыбка Линь Юйшэна застыла. Юноша, ты и правда проницателен, в каком-то смысле ты

угадал.

Не желая продолжать разговор о своем характере, Линь Юйшэн вернулся к сути дела и спросил, что еще удалось заметить Сун Сицяо. Тот подробно описал свои ощущения: город словно слился с миром смертных, он уже не мог отличить, где чье дыхание, но был уверен, что здесь присутствуют не только энергии мира практиков. После своего перерождения Линь Юйшэн узнал, что и семья Линь была кланом совершенствующихся, поэтому отсутствие контактов с миром смертных было вполне объяснимо. Он терпеливо слушал младшего ученика.

Ситуация была неясной, поэтому они решили действовать скрытно, не привлекая лишнего внимания. Следуя прежним маршрутом, они первыми отыскивали деревни к северу от города. Там жили вовсе не обычные люди, а те, кто не смог продвинуться в совершенствовании и осел здесь, чтобы растить потомство. Деревни были бедными. Сейчас они находились в месте под названием Деревня бумажных изделий — как и следовало из названия, все жители промышляли изготовлением бумажных фигурок для ритуалов.

— Поистине ужасное место, — заметил Линь Юйшэн. — Пространство здесь искажено.

Уровень Сун Сицяо был значительно ниже, он не видел искажений, но нутром чувствовал, что здесь крайне неуютно. У входа в деревню рос кривой вяз. Внутри — покосившиеся соломенные хижины, ни души. Миазмы становились все гуще; жизнь в этом месте, лишенном солнечного света, была настоящим проклятием. К счастью, на пути не было преград. Деревня была небольшой, и через полдня они добрались до центра, где, по обыкновению, располагался колодец. Внезапно повеяло тонким фруктовым ароматом, который проникал прямо в душу. Сун Сицяо сразу понял, что этот запах они уже встречали, и поспешил задержать дыхание. Линь Юйшэн почти одновременно схватил его за руку и затащил в одну из хижин.

Внутри лежала груда брошенных бумажных кукол — с румяными лицами, словно живые. Линь Юйшэн взмахом руки воздвиг небольшой барьер, окутавший хижину. Снаружи выл ветер, и невозможно было понять, день сейчас или ночь. Убедившись, что никого нет, Сун Сицяо прошептал:

— Учитель, этот запах я чувствовал в прошлый раз.

— Это не просто дурман. Как только аромат появился, я попытался сопротивляться с помощью ци, но, чем больше усилий я прикладывал, тем больше вдыхал.

— Поэтому вы решили немедленно поставить барьер?

— Да.

— Учитель, вы говорили, что нужно не проявлять мастерства, но этот барьер выдаст наше присутствие.

Линь Юйшэн об этом не подумал. Только теперь он начал осознавать пропасть между собой и этим миром. В современном обществе конкуренция была острой, но смертельные опасности — редкостью, и все действовали по четким социальным правилам. Здесь же все было иначе. Он вспомнил, как, только проснувшись, ворчал на Сун Сицяо за его поспешность, и теперь его лицо слегка залилось краской. Оказалось, что его младший ученик гораздо прозорливее.

Пока Линь Юйшэн размышлял о своей неосмотрительности, Сун Сицяо было не до того. Стоя у колодца, он успел вдохнуть немного тумана. Для мастера стадии Зарождающейся Души это было пустяком, но для Сун Сицяо — совсем другое дело. Линь Юйшэн не заметил странностей в поведении ученика. Сун Сицяо почувствовал, что фруктовый аромат засел у него в носу, и, сказав наставнику, что хочет отдохнуть, сел в позу для медитации. Постепенно все вокруг начало расплываться. Он увидел дивный дворец, чей-то нежный голос звал его, и он, словно лишившись воли, пошел на зов. Путь был бесконечным, окутанным белым туманом. Сун Сицяо почти потерял рассудок, но где-то в глубине души он понимал, что попал в ловушку. Пытаясь выбраться, он инстинктивно сжал ладонь и вдруг вспомнил, что именно за эту руку его держал Линь Юйшэн. Он потерял то место, где касался наставник, и кожа показалась ему невероятно нежной. Каждое прикосновение отдавалось в сердце, заставляя его биться чаще. Иллюзия, словно почувствовав его мысли, изменилась: пейзаж исчез, и перед ним возник Линь Юйшэн. Он молчал и смотрел на него с нежной улыбкой, протягивая руку. Его тонкие, изящные пальцы, похожие на белый нефрит, казались невероятно соблазнительными. У Сун Сицяо перехватило дыхание, он сделал шаг, желая схватиться за эту руку.

Внезапно поток духовной энергии, подобно ручью, хлынул в его тело, и Сун Сицяо очнулся. Осознав, что едва не поддался наваждению, он тряхнул головой. Подняв взгляд, он встретился с обеспокоенным взглядом Линь Юйшэна и машинально отпрянул, но, опустив глаза, замер: рука наставника лежала на его груди! Сун Сицяо показалось, что его сердце вот-вот остановится. Он вскочил, заставив Линь Юйшэна пошатнуться, и бросился прочь, сбивая на ходу бумажных кукол.

<http://bllate.org/book/19139/1879800>